

Аудитория

ЗАПИСКИ ИЗ ЗАПАДА

Открывая в свое время эту рубрику, мы основывались на том, что сегодня ни один литературный вечер не обходится без вопросов из зала и чаще всего превращается в диалог писателя со своими читателями на самые острые темы, когда затрагиваются корневые, сущностные проблемы жизни и литературы. Сегодняшний разговор с аудиторией несколько иной, чем предыдущий, который вели В. Быков или ранее Б. Можаяв. На записки читателей о Достоевском отвечает Л. Сараскина, автор работ о великом писателе. В «Советском писателе» выходит ее новая книга — «Бесы»: роман-предупреждение.

«Вы и Вам подобные намеренно удаляют тот очевидный факт, что русский и мировой гений Федор Михайлович Достоевский ослепил свой народ от заразы космополитизма и западничества, что он проповедовал любовь в России как и сильному и мощному самодержавному государству и любовь и русскому народу как и уникальному и избранному Богом для великой исторической миссии. Вам выгодно представлять Достоевского как этаного демократа-гуманиста без национальных корней. А многие другие даже стесняются называть его «русским», избегают употреблять это слово. Достоевский — последовательный борец за интересы русского народа и только с этих позиций должно трактоваться его творчество и его публицистика. Рунки тех, кто не разделял патриотических настроений, — прочь от НАШЕГО Достоевского».

«Почему в своих исследованиях о Достоевском Вы никогда не пишете о том, что великий писатель, защитник униженных и оскорбленных, был заядлым славянофилом и черносотенцем, отъявленным антисемитом? Что он ненавидел поляков, евреев, немцев, французов и вообще инородцев и презирал все западное, все европейское? Неужели Вам чуждо проплагандированное мнение, которое, может, и написал замечательные романы, но был и сейчас является идейным вдохновителем погромщиков?»

ЭТИ ДВЕ записки, странным образом перекликающиеся друг с другом, я получила среди прочих на недавнем литературном вечере. Как видите, обе они написаны людьми, глубоко возмущенными — хотя и по разным причинам — ситуацией, которая связана с творческим наследием Достоевского. В одном пункте мне пришлось согласиться с обоими корреспондентами: замалчивание, сложившееся вокруг так называемых «слабостей» великого писателя, и раньше рождавшее кривотолки, сегодня, в пору полемических страстей, горячих мировоззренческих сшибок, вызвало новую волну спекуляции, мелкого политического жульничества.

Время гонений на Достоевского далеко позади, и теперь каждый, стремясь придать собственным умозаключениям глубину и убедительность, берет его в свои союзники. Причем тексты используются и в целях, ничего общего не имеющих со смыслом цитируемого, авторы прикрывают одеждами из его высказываний свою интеллектуальную ницету.

Но мало кто из знаменосцев противостоящих идеологических лагерей в состоянии принять как «свое» (или отвергнуть как «чужое») всего Достоевского. И потому вступать с кем-либо из них в прямой диалог — дело пустое, бесполезное. При ближайшем рассмотрении комплекс идей писателя на деликатную национальную тему оказывается политически невыгодным ни так называемым «патриотам», ни так называемым «космополитам». «Весь» Достоевский не дается ни тем, ни другим в их сиюминутных интересах. А вот объясниться с читателем, который стремится найти ответы на мучительные для него вопросы, хочет мыслить самостоятельно, свободен от предвзятости и открыт для аргументов, — объясниться с таким читателем сегодня, по-моему, просто необходимо.

«Я во многом убежденный чисто славянофильский, хотя, может быть, и не вполне славянофил» («Дневник писателя за 1877 год»). Подобные признания с оговорками звучат в публицистике Достоевского с момента возникновения этого жанра в его творчестве и до конца жизни. Признания искренни и ответственны, но вслушаемся и в оговорки.

1861 год, объявление «От редакции» журнала «Время»: «И хотя в славянофилах было много любви к родине, но чужье русское духа они потеряли. Они также ошиблись, как ошибаются те господа, болшею частью чистые и наивные сердца, которые, надев на себя древний нафта, бархатную поддевку и шелковую рубашку с золотыми галунами, воображают, что они соединились с народным началом. Общество смотрит на них с недоумением, а народ равнодушно. Но теперь мы хотим жить и действовать, а не фантазировать».

1861 год, статья о славянофильской газете И. Ансанова «День»: «Те же славянофилы, с тою же неутомимой враждой ко всему, что не ихнее, и с тою же неспособностью примирения; с тою же ярою нетерпимостью и мелочью, совершенно нерусскою формальностью... Снаjem прямо: предводители славянофилов известны как честные люди. А если так, то как можно сказать обоим писателям, что они «враждуют и скорбят народным»? Как смеет сказать ко порицанию нашей народности, НЕ В СИЛУ НЕГОДУЮЩЕЙ, ПЫЛКОЙ ЛЮБВИ, но в силу внутреннего нечестия, инстинктивно враждующей всякой святыне чести и долга? Что за фанатизм вражды! Что за резкая уверенность в своих «сокровенных помышлениях» противников, и сердце и в совести их! НЕУЖЕЛИ ЛЮБИТЬ РОДИНУ И БЫТЬ ЧЕСТНЫМИ ДАНО В ВИДЕ ПРИВИЛЕГИИ ТОЛЬКО ОДНИМ СЛАВЯНОФИЛАМ (так! — Л. С.) Кто мог сказать это, кто бы решился написать это, кроме человека в последней степени фанатического иступления... Да тут почти пахнет нострамом и пытками...».

Не правда ли, эта полемика двадцатидевятилетней давности весьма напоминает иные сегодняшние споры?

1863—1864 годы, записная книжка: «Славянофиль, нечто торжествующее, нечто вечно славящееся, а из-под этого проглядывает нечто ограниченное».

1876 год, «Дневник писателя»: «Вопрос о народе и о взгляде на него, о понимании его теперь у нас самый важный вопрос, в котором заключается все наше будущее, даже, так сказать, самый практический вопрос наш теперь». И однако же, народ для нас всех — все еще теория и продолжает стоять загадкой. Все мы, любители народа, смотрим на него как на теорию, и, кажется, ровно никто из нас не любит его таким, каким он есть в самом деле, а лишь таким, каким мы его надеемся себе представить. И даже так, что если б народ русский оказался впоследствии не таким, каким мы надеемся его представить, то, кажется, все мы, несмотря на всю любовь нашу и немую, точно бы отступились от него без всякого сожаления. Я говорю про всех, но исключая и славянофилов; те-то даже, может быть, лучше всех».

Итак, любовь к родине и народу, прогивостояние России и Запада (Европы во времена Достоевского), особый путь России и ее историческая миссия — стержневые проблемы его публицистики и ее полемического пафоса. Только очень предвзятый, предубежденный и, в общем, недобросовестный читатель увидит в направленности мысли Достоевского «заядность» славянофила или тем паче — ксенофоба.

ДОСТОЕВСКИЙ - «ЧЕИ» ОН?

Людмила САРАСКИНА

МОЖНО ЛИ представить казенный, напыщенный патриотизм со всеми атрибутами враждебности и нетерпимости к тому, что не «свое», провозглашающим любовь не к одной, а к двум родинам? А Достоевский пишет («Дневник писателя за 1876 год»):

«У нас — русских — две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся). Против этого спорить не нужно. Величайшее из величайших назначений, уже сознанных Русскими в своем будущем, есть назначение общечеловеческое, есть общеслужение человечеству, — не Россия только, но общеславянству только, но всечеловечеству».

Славянофил Достоевский, которому «положено» проклинать и презирать Запад и западников, находит здравый смысл и историческое оправдание даже самым последним крайностям западничества. Он не отказывает западникам в чужьем духе и народности, он ценит их стремление к самопроверке и самопознанию, их желание «дойти до правды умом, анализом, понятием». Сам поворот западничества к народным началам, к почве, в котором являющиеся славянофилы слишком мало участвовали, был совершен потому, считает Достоевский, что «западничество все-таки было реальнее славянофильства, ибо убедилось: «дело не в проклятии, а в примирении и в соединении». Возврат на родную почву, таким образом, «все-таки в руках реалистов, потому что европеизм, западничество, реализм — все-таки это возрожденная жизнь, начало сознания, начало воли, начало новых форм жизни. Западничество шло путем беспощадного анализа, и за ним шло все, что могло идти в нашем обществе».

Как видим, Достоевский умел быть справедливым к своим идейным противникам, умел поднять их до своего уровня и уже на этом уровне дискутировать. Но, видимо, и впрямь его славянофильство было специфическим, если не сказать уникальным: в «Дневнике писателя за 1877 год» провозглашен гимн святой... Европе!

«О, знаете ли вы, господа, — обращается он к читателям и возможным оппонентам — как дорога нам, мещанинам славянофилам, по-вашему, ненавистникам Европы — эта самая Европа, эта «страна святых чудес! Знаете ли вы, как дороги нам эти «чудеса» и как любим и чтим, более чем братья любим и чтим мы великие племена, населяющие все великое и прекрасное, совершенное ими. Знаете ли, до каких слез и смятений сердца мучают и волнуют нас судьбы этой дорогой и РОДНОЙ нам страны, как пугают нас эти мрачные тучи, все более и более заволакивающие ее небосклон?»

Те, кто придирчиво упрекает или, наоборот, обрадованно хвалит Достоевского за ненависть к Западу, Европе и европейским нациям, видимо, десятой дорогой обходят подобные (отнюдь не единичные) признания «мечтателя-славянофила» в

любви к великим европейским племенам. Да, Достоевский свято верил, что Россия во главе объединенных славян скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его «свое новое, здоровое и еще неснянное миром слово». Что это за волшебное слово?

«Русская идея», владевшая Достоевским на протяжении всей его послекаторжной жизни и провозглашенная в Пушкинской речи, относилась, бесспорно, к разряду самых дорогих, самых главных его убеждений. Вкратце она сводилась к следующему. Дорога петровских реформ пройдена вся без остатка. Русский человек узнал Европу, но не сделался европейцем. Когда-то он укорял себя за неспособность быть, стать европейцем, втиснуться в одну из западных форм жизни. Теперь (Достоевский пишет об этом в 1860 году) русские убедились, что они тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная, и их задача — «создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и народных начал».

Будущее значение русских в великой семье всех народов не в том, чтобы градиться китайскими стенами от человечества. Русские, которые говорили на всех языках, принимали все цивилизации, сочувствовали интересам каждого европейского народа, понимали смысл и разумность явлений, совершенно им чуждых, предуга-

что и держит его во всех прошлых и нынешних мытарствах, так это, убеждает Достоевский, «полная способность самой здоровой над собой критики, самого трезвого на себя взгляда и отсутствие всякого самовозвышения, вредящего свободе действий». Достоевский, который двадцать с лишним лет подряд твердил, что русская нация — необыкновенное явление в истории всего человечества, раз и навсегда разящийся (часть, впрочем, повторяясь); способность самоощущения русские люди признают «за лучшую сторону русской природы, за ее особенность», за то, чего у «господ иноземцев» вовсе нет.

«Народ наш с беспощадной силой представляет на вид свои недостатки и предельным светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе; — во имя негодующей любви к правде, к истине... В осуждении зла непременно кроется любовь к добру; негодование на общественные язвы, болезни — предлагает страстную тоску о здоровье...»

Учитывается ли этот «классический» контекст в сегодняшних дискуссиях о русофобии и русофобах? Не утратили ли подобные дискуссии истинной точки отчета и здравых критериев, без которых Достоевский автоматически может быть отнесен к категории «фобов»?

Впрочем, последний вопрос сознательно явлений, совершенно им чуждых, предуга-

дывают с благоволением, что характер их будущей деятельности «должен быть в высшей степени общечеловеческий, чью русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях».

Итак, высокая способность русских образованных людей к совершенному и полноценному духовному освоению европейского наследия и является в глазах Достоевского главным доказательством их народной сущности: именно «инстинктом общечеловечности» глубоко связаны неграмотный народ и образованное меньшинство. Именно в этом — тайна величия и главный смысл народности Пушкина.

Но что же в таком случае может быть общего между действительно высокой, очень русской идеей Достоевского и тем обидчивым, нетерпимым патриотизмом (не говоря уж о национализме и шовинизме), который стремится присвоить авторитет Достоевского и прикрыться им на всякий случай?

«Стать русским значит перестать презирать народ свой», — писал Достоевский. «Европа нам второе отечество, — я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал». — писал он же и здесь же, на этой же странице «Дневника писателя за 1877 год».

То самое величайшее слово, которое, по Достоевскому, призвана сказать Россия всему миру, и должно быть заветом общечеловеческого единения.

Г ОВОРИТЬ о любви Достоевского к родине и народу, при всей инфляции подобных слов, «легко и приятно». В его патриотическом чувстве нет ничего фанфарного и показного, ничего тщеславного и сварливого, ничего натужного и крикливого. В нем много горечи, истинной боли и надежды

«Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать... не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно воздымает... А идеалы его сильные и святые, и они-то и спасли его в века мучений».

Обстоятельствами всей почти русской истории, размышляет Достоевский в «Дневнике писателя» (1876 г.), народ русский «до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил, сохранив человеческий образ, а не то что сохранив красоту его». Но если чем и сплен народ безоговорочно, если

«Россия не была пьяной страной. Она была трезвой страной. Скажу как историк широко бытующая молва о том, что-де на Руси-матушке всегда пили, что «веселые Руси—есть питье», — это злонамеренная, злоязычная ложь, пущенная в оборот врагами нашего народа». Неосторожные слова, неосмотрительные. Особенно, конечно, о «врагах нашего народа».

Послушаем Достоевского. Автор «Дневника писателя» и редактор «Гражданина», консервативного, по меркам XIX века, печатного органа, никак не связанного с нигилистами и национальными ненавистниками, из нозега в номер поднимает один и тот же тревожный вопрос: как исцелить страну от язвы всенародного пьянства. В примечаниях сообщается: «бюджет кабака» составил в 1872 году 166,5 миллиона рублей при общем бюджете на 1873 год 517 миллионов рублей.

Достоевский комментирует: «Чуть не половину теперешнего бюджета нашего оплачивает водка, то есть по-теперешнему народное пьянство и народный разврат, — стало быть, вся народная будущность. Мы, так сказать, будущностью нашею платим за наш величайший бюджет великой европейской державы. Мы подсекаем дерево в самом корне, чтобы достать поскорее плод и кто же хотел этого? Это случилось невольно, само собой, странным историческим ходом событий...».

Достоевский спорит: «Матери пьют, дети пьют, церкви пустуют, отцы разбойничать; бронзовую руку у Ивана Сусянина отпилили и в кабак снесли; а в кабак приняли! Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?».

Не будучи «врагом своего народа», Достоевский не был и льстецом его; не хотел закрывать глаза на «варварство и мерзость», не хотел идеализировать «скверну», которая есть в гуще народной, — не мог канонизировать зло. Потому он и защищал народ свой, что тот унижен и обездолен, часто лишен облика и достоинства человеческого и живет не сознательной жизнью, а «на степени стихийного существования». Не боясь прослыть русофобом, он честно писал о народных бедах и язвах: не стеснясь быть патриотом, он учил своего читателя «смотреть на народ без плевка»; не оскорблять «черных людей» глумливыми насмешками и блудными анекдотами. Народная правда виделась Достоевскому и в мужике Мерее, и в Пушкине, и в Христе, которого любит и почитает русский человек. Любовь к народу, по Достоевскому, — чувство не агрессивное и не фанатическое, а истинно христианское, евангельское:

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не

«Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России. выше всего, а потому надо желать одной правды и искать ее, несмотря на все те выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее».

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

У МЕНЯ в руках ксерокопия весьма выразительного документа, датированного 23 февраля 1988 года, написанного на 33 листах, за восьмью подписями, с двумя печатями на каждой странице. «Заявление форуму справедливости» (так называется этот документ) цитирует «Дневник писателя» Достоевского: «Всякий, кто искренно захотел истины, тот уже страшно силен... Кто хочет приносить пользу, тот и в буквально связанными руками может сделать бездну добра». И здесь же рядом — составители документа делают свой основополагающий авторитетный вывод из «высказывания Достоевского: «Вот и «Память» взяла на себя инициативу в разоблачении международного сионистско-масонского синдиката, действующего и в нашей стране».

Именем Достоевского, зовущего делать добро, приносить пользу и служить истине, освящаются разоблачительские инициативы, санкционируется охота на ведьмы. Но Достоевский нигде, никогда и никого не призывал к подобным акциям! Достоевский не искал среди чужеземцев или инородцев виновных и ответственных за русские беды — тому доказательство и вся его публицистика, и все его художественное творчество: сотни, тысячи дейст-

вующих лиц русского происхождения «сочиняют» русскую жизнь, творят русскую трагедию. Они, русские, избобретают свои или заимствуют чужие теории, они же решают, как по этим теориям перевернуть Россию вверх дном.

Достоевский учил, следуя идеалам народной правды, искать «не в селе, а в себе». И в том самом выпуске «Дневника писателя», процитированного в вышеупомянутом документе, он дает совет людям, у кого чистые сердце и совесть: «самообладание и самоодоление прежде всякого первого шага. Исполни сам на себе прежде, чем других заставляй, — вот в чем вся тайна первого шага».

Именно в деятельной любви и в самоодолении, а не в агрессивной подозрительности и маниакальной боязни заговоров заключено, согласно Достоевскому, «русское решение вопроса»: хочешь переделать мир — начни с себя.

М ИФ ОБ АНТИСЕМИТИЗМЕ Достоевского, о его ненависти к еврейской нации — не сегодняшнего происхождения. Автор «Дневника писателя» получал в свое время письма читателей с вопросами по этому поводу; порой корреспонденции содержали обиду, упрек, недоумение. В мартовском выпуске «Дневника» за 1877 год Достоевский дает необходимые пояснения в связи с «еврейским вопросом».

Примечательна оговорка: «Поднять такой величины вопрос, как положение евреев в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев, — я не в силах. Вопрос этот не в моих размерах» (подчеркнуто мною, — Л. С.; это пишет о себе Достоевский).

Тем не менее начинает он с главного: «...Когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу? Так как в сердце моем этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я, с самого начала и прежде всякого слова, с себя это обвинение снимаю, раз навсегда, с тем, чтоб уж потом об этом и не упоминать особенно».

Далее всякий рассуждающий на эти темы должен определиться: если он не верит признанию писателя, то весь последующий текст можно и не читать. Если же все-таки исходить из презумпции доверия к честности Достоевского (в чем, кстати, ему никогда не отказывали самые серьезные оппоненты), тогда имеет смысл вникнуть в логику дальнейшей аргументации.

Достоевский признает имеющиеся факты розни, неприязни между евреями и русскими. Однако, во-первых, категорически отрицает (ссылаясь и на собственный личный опыт) существование в русском простонародье «предвзятой, априорной, тупой, религиозной» ненависти к евреям, а во-вторых, настоятельно подчеркивает, что мотивы подобной несимпатии скопились не с одной, а с обеих сторон.

Русским часто несимпатично самоомнение и высокомерие евреев, у русских же народ еще невежествен, необразован, экономически неразвит — что евреи любят подчеркивать. Очевидно: дело не в национально-племенной разнице, а в различных социальных ролях обоих народов.

Да, Достоевский произносит много горьких слов в адрес еврей-ростовщика, религиозного фанатика, националиста. Да, Достоевский рассуждает о дурных качествах в еврейском народе азартно и со страстью. Среди упреков и обвинений есть, по-видимому, и такие, на которые можно всерьез обидеться. Если собрать их все вместе и вынуть из «Дневника писателя», они смогут, наверно, вызвать сомнение в широте национальных взглядов писателя. Но тот, кто из живого текста захочет получить цитатник, явно будет одержим недобрым намерением.

Как бы там ни было, выводы Достоевского о путях решения еврейского, точнее сказать, русско-еврейского вопроса заслуживают самого пристального внимания. По высшему христианскому принципу, по Христову закону Достоевский стоит за полное и окончательное уравнение прав евреев с коренным населением в формальном законодательстве. Достоевский мечтает («буди буди») о полном и духовном единении племен. Он умоляет своих оппонентов и корреспондентов-евреев «быть... к нам, русским, снисходительнее и справедливее». Он надеется, что предубеждение, если оно не кроется «в каких-нибудь гораздо более глубоких тайнах его закона и строя», а есть лишь «исторический нарост», непременно рассеется.

Вслушаемся в его слова: «...Да сойдется мы единым духом, в полном братстве, на взаимную помощь и на великое дело служения земле нашей, государству и отечеству нашему! Да смгчатся взаимные обвинения, да исчезнет всегдашняя эзальтация этих обвинений, мешающая ясному пониманию вещей. А за русский народ поручиться можно; о, он примет еврея в самое полное братство с собою, несмотря на различие в вере, и с совершенным уважением и историческому факту этого различия, но все-таки для братства, для полного братства НУЖНО БРАТСТВО С ОБЕИХ СТОРОН».

Счастливые подтверждения возможности братства с обеих сторон Достоевский получает в самом скором времени — из письма молодой еврейской девушки. История доктора Гинденбурга, восьмидесяти-четырехлетнего немца, который 58 лет лечил многонациональное население города М., отдавая беднякам последнее и являя высокий нравственный пример самоотверженного служения людям, потрясла писателя. В строках нехитрого текста корреспондентки он находит воплощение своей мечты. «...Хорошил его (доктора-протестанта, — Л. С.) как святого. Все бедняки заперли лавки и бежали за гробом. У евреев есть мальчики, которые при похоронах распевали псалмы, но запрещается провозжать инородца этими псалмами. Тут перед гробом, во время процессии, ходили мальчики и громко распевали эти псалмы. Во всех синагогах молились за его душу, также колокола всех церквей звонили все время процессии... Над его могилкой держали речь пастор и еврейский раввин, и оба плакали...»

Капля камень точит, а «общие человечки», уверяет писатель, побеждают мир, соединяя его. «...На земле лучше и делать-то нечего, как верить в то, что это сбывается может и сбудется».

Можно представить себе, какое мужество нужно было иметь русскому писателю и патриоту Достоевскому, чтобы с такой безоглядностью написать: «Правда... выше народа, выше России». Уместно вспомнить и другое его высказывание — о Христе и истине: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной!». Шкала высших ценностей, по Достоевскому, достоверно показывает: национальное на ней не главенствует, а идет вслед — за верой и правдой.

В этой позиции, однако, не было ничего исключительного: она лишь подтверждала изначальный принцип христианства — о том, что для него нет ни эллина, ни иудея.

ЕСЛИ кто-нибудь из читателей, внимающих тем, что так яростно сражается со своим идейным противником посредством Достоевского (используя его тексты то ли как щит, то ли как меч), все-таки обратит на писателя взор непредубежденный и доверчивый, — он не прогадает. Ему станет очевидна совершенная бессмысленность вопроса, вынесенная в заголовок.